

ДОСТОИНСТВО ТРЕБУЕТ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Сегодня исполняется 80 лет профессору, доктору экономических наук Максиму Загорулько. Директор НИИ проблем экономической истории России ВолГУ, Максим Матвеевич известен как первый ректор Волгоградского государственного университета. Накануне юбилейной даты в редакции «ИНТЕРа» состоялась встреча с ним. Разговор получился непростым – Максим Загорулько принадлежит к числу убежденных ревнителей былого государственного устройства. Этим и интересен как участник и свидетель бурной эпохи. Может, не все в его взглядах можно принять, но эти взгляды сформировала жизнь...

– Максим Матвеевич, кажется парадоксальным наблюдение, которое звучит все чаще: дескать, стабильность в обществе сегодня достигается не за счет консолидации народа и власти, а за счет обособленности людей. Что бы вы об этом сказали?

– Объединяющей идеи нет – не сформулирована. А она нужна для нации, для государства. Ведь никто не может ничего решить без учета обстановки, скажем, у соседа или на другой стороне улицы, в государстве в целом и так далее. Нельзя реализовать себя как личность без учета внешних обстоятельств, то есть, должно быть что-то, что объединит большинство людей.

– Но на чем мы тогда держимся, лишившись идеи, что-то подразумевается хотя бы? Может, есть какая-то подспудная, естественная идея... Скажем, стремление выжить.

– А логически должно быть иначе. Объясню, почему. Нравится это кому или нет, но в советское время была провозглашена и в меру возможностей реализовывалась идея заботы общества о каждом, соответственно, каждый заботился об обществе. Сейчас на этот счет много критики: не было, дескать, одного, другого для людей... Да, не было достаточных условий, опыта. Много было внутренних и внешних факторов, которые идею если не подрывали, то не позволяли реализовать в идеале. Но однажды это все оказалось разрушено. Хотя логически должны были появиться изменения во имя совершенствования идеи. Да, то, что вредно, надо было отрезать.

Я помню, какой был шум по поводу привилегий партийных работников, которые имела часть из них, но это оказалось таким мизером по сравнению с сегодняшней степенью привилегированности! На мой взгляд, определенная нравственность была присуща и государству, и чиновникам. Но это тоже несопоставимо с сегодняшним положением.

– Так вы не приняли перестройку?

– Я, как гражданин, поддерживал перестройку, мне представлялось, что произойдет дальнейшее совершенствование существующей структуры. А случилось непоправимое: разрушено устройство государственной системы до основания, причем, во второй раз. Меня лично особенно удручают процессы в сфере образования, в частности, разрушается система высшего образования. Чем мы выиграли в изменившихся экономических условиях? У нас была отлаженная система высшего образования, и ее сила была в консерватизме – построена была очень жестко. Было четко определено, что нужно знать в 1, 2-м классе, что на I-м курсе зоологического факультета и так далее. Знаю, о чем говорю: 25 лет проработал ректором, 9 из них – ректором пединститута. Система имела основательный научный фундамент, и при этом было настолько выверено базовое образование по каждой специальности, что это дало возможность стране вырваться в космос, обеспечило развитие технического прогресса. Образно говоря, стержневые вопросы каждой специальности были главным содержанием любой подготовки, а дальше выпускник уже нарабатывал все остальное. Базу получил – можешь наращивать знания.

– Между тем приходилось слышать о том, что это свойственно только системам образования западного образца, а наша, дескать, не учит студента самообразованию.

– Многое зависит от профессора, но мы говорим о принципах. Западная школа – прагматичная. Я сравнивал: получивший образование на западе быстрее «врубался» в практику, а наш с ходу вникал труднее, но зато потом шел дальше: и теоретическая, и методологическая подготовка была шире.

– А что у нас сегодня происходит?

– Во-первых, разрушен, на мой взгляд, тот самый принцип единства программы, придающий устойчивость всей системе. А еще страшнее другое. В свое время в стране была ликвидирована безграмотность – у нас среднее образование было обязательным. Попробовал бы кто-нибудь не отправить ребенка в школу – такие родители сразу становились предметом внимания. Сегодня же огромное количество молодых людей не умеют читать – теперь это не является государственной политикой, то есть практически, частное дело. Не берусь рассуждать о других сторонах жизни, но, как мне кажется, в изменившейся системе отношений складывается угроза самой государственности, и эти преступления совершаются с молчаливого согласия общества.

– Но это и раньше было...

– Да, и раньше, и всегда. Но все же не в такой степени, как сегодня. Обратите внимание: сегодня у общества все больше возникает желание иметь царя, настоящего хозяина. Но это же абсурдно: государство утрачивает способность осуществлять свою политику, поскольку не имеет своей собственности. Мое мнение такое: в таких отраслях экономики, как железнодорожный транспорт, нефтегазоэлектроэнергетика, хозяином должно быть государство. В других странах в подобных сферах государство роль хозяина оставляет за собой – в разных формах влияния. А у нас сегодня, что хочет конкретный хозяин отрасли, то и делает.

Тогда как подобные фигуры должны быть в общем строю – все должно определять государство. Как же при этом можно допустить вымирание населения!..

– Скажите, а что вам по-настоящему дорого в вашей 80-летней жизни?

– Может, это прозвучит излишне пафосно, но я горжусь, что на знамени Победы есть и моя маленькая капелька крови. То, что я под этим знаком прожил жизнь, что в трудную минуту я защищал Родину – именно эта причастность и дорога. Это искренне.

– Максим Матвеевич, вернусь к вашей мысли о том, что формирование личности происходило в большей степени под воздействием общества. Как это было с вами?

– У меня ведь сложная судьба: я – из спецпереселенцев, отец был репрессирован. Меня в комсомол приняли в 1942 г., то есть перед уходом на фронт. И я должен был быть антисоветчиком. Но все получилось наоборот, и в этом – заслуга родителей. Они никогда не позволяли хаять власть, а что они там говорили шепотом, я не знаю. Так вот, как это ни странно, война сформировала меня как личность. Что такое боевая обстановка: ты должен быть твердо уверен, что можно положиться на тех, кто справа, слева и сзади. Но и ты должен знать: на тебя так же надеются те, от кого ты справа и слева... И в этой обстановке люди очень быстро просвечиваются. А дальше как получилось: мы пришли в студенческую аудиторию и принесли с собой эти же принципы, а затем с этим же оказались в коллективах. Принципы той морально-нравственной школы, которую наше поколение прошло на фронте, мы перенесли в жизнь. Для меня это все и определило.

– Но у войны есть и другая, как говорится, неудобная сторона правды, о которой стало известно много позже...

– Правда о войне должна быть сказана. Но каждая ее часть должна найти отражение во всей полноте правды о Победе. Мне больно, что идет дегероизация подвига людей, защитивших мир от этой чумы. Вот показывают фильм «Враг у ворот» о Сталинграде. Политруки разве такие были? Это были самые душевные люди. Ведь политрук был всегда рядом с нами, а что такое быть в общем строю в боевой обстановке!.. Мы должны были доверять политруку – вот каким он должен был быть с нами.

– Как вы сами понимаете, что происходит с переоценкой истории, чего при этом больше – желания переосмыслить или переделать?

– За последние 10--15 лет очень уж потоптались по истории. Если мы хотим быть честными перед потомками, то многое надо поставить на место. Так, предметом моего исследовательского интереса стали мобилизационные возможности, которые были реализованы во время войны благодаря высокой степени организованности государственного аппарата и системе управления страной. И не надо кривить душой: мобилизовала-то компартия. А в этом и есть искажение – замалчивается ее роль. Кстати, сейчас готовлю новый сборник документов о сталинградской группе войск – об этом мало кто знает. Когда Сталинградская битва закончилась, фронт ушел дальше, а в сталинградском кольце оказалось огромное скопление войск, техники, военнопленных, оставались обширные минные поля. Нужно было все это упорядочить, переформировать, доукомплектовать и направить дальше на фронт. Так была организована Сталинградская группа войск. Она существовала с 3 февраля по конец мая 1943 г. И о ней никто толком не знал, ее просто не рассматривали. В архиве я нашел акт, из которого видно, что за это короткое время на территории области было захоронено более 148 тыс. вражеских трупов, свыше 45 тыс. наших и около 300 тыс. трупов крупных животных.

То есть, проведена была своеобразная зачистка территории. Это – в подтверждение мобилизационного ресурса. Когда сегодня говорят о Сталине, то имеют в виду только репрессии. А в 1947 г., между прочим, отменили карточную систему. Каждый год, в апреле, снижались цены.

– А что, Максим Матвеевич, разве не спрос определяет предложение и не рынок задает цену? Конечно, государство ее должно регулировать для некоторых категорий граждан, как это делают в экономически развитых странах...

– Позвольте, я жил в стране, где был определенный порядок. Я знал, что если у меня возникнет проблема, я добьюсь либо ее разрешения, либо разъяснения ее невозможности. А сегодня этого нет. На предприятии, если поступила жалоба, я отвечал за ее рассмотрение персонально, а если ее направили из ЦК, то поди-ка ты мой! Говорят, что сегодня для этого есть суд. Да проблему в суде можно рассматривать бесконечно долго – всю жизнь. То есть, установить право невозможно. Или, может, я не прав? Порядка в обществе нет, но самое главное – нет ответственности, по всей вертикали власти.

– А может, все-таки все образуется? Куда-то выстроим жизнь?

– Когда это будет, и какие издержки при этом понесет общество... Ведь мы сегодня не знаем тех последствий и возможностей, которые принесут стране реформы. Пока с Россией считаются – как с «ядерной» страной.

– По-вашему, осталось только это?

– А что еще? За что нас можно уважать? Я бы очень хотел. Мне сегодня это как никогда важно знать о Родине. Так вот, главное: человека здесь не уважают, условий ему не создают, процветают бандитизм, воровство, производство разрушено – это все сопровождается страх, людям страшно жить.

– Но разве в экономике не происходит движение вперед? Есть ведь статистика...

– Вот объявляют: на 6 процентов темпы увеличились. Темпы чего? Привоза, оказывается. Статистика-то все считает в деньгах, а не в тоннах или километрах. Я думаю о другом: в самом народе внутреннее достоинство сохраняется. Но это достоинство требует объединения...

– Что ж, здоровья вам, и пусть скорее появятся поводы более обнадеживающие, чем те, что удручают вас.

**Беседовала Нина САВЕЛЬЕВА
«ИНТЕР»-пресс**